

Первый бой был односторонним.

Так было и со вторым.

И третий.

В течение первых четырех месяцев боевых действий силы Конохи и Суны отбрасывали силы Ивы назад, назад и снова. Каждые несколько дней линия фронта перемещалась — немного внутрь, затем еще немного, потом еще немного.

К концу первого месяца они добрались до границы.

К концу третьего до Страны Грибов оставалось почти полных пять часов пути.

В середине четвертого месяца им было приказано удерживать позиции — они находились слишком далеко от каких-либо крупных целей, чтобы их непрерывное наступление могло оправдать потери снабжения и живой силы, связанные с продолжением наступления. Вместо этого они должны были удерживать позиции в обозримом будущем, медленно уничтожая силы Ива и заставляя их сражаться на нескольких фронтах.

Так жизнь немного успокоилась, стала какой-то рутинной.

Сакура наблюдала за Штабом по восемь часов в день, а затем спала двенадцать часов. Дополнительные четыре — две до и две после смены — были потрачены на еду, отдых и редактирование исследовательских предложений (хотя большая часть личной почты была отключена во время войны, этого нельзя сказать о военной почте).

Работа была утомительной.

Честно говоря, это не было физически утомительно.

Хорошо.

«Это было немного, — подумала Сакура, — как будто ты стоишь по колено в океанской воде во время шторма и отчаянно пытаешься выяснить, какие животные находятся рядом с тобой».

Вода – чакра – билась о вас каждый раз, когда вы пытались отдышаться, и хотя более крупные следы чакры было легко уловить, меньшие могли остаться незамеченными, если только вы не оставались постоянно начеку, постоянно начеку.

Так что это не было физически утомительно, но она каждый день использовала почти всю свою чакру и даже больше своих умственных способностей.

Задача прочесывания воспоминаний Ардена была полностью отброшена в пользу еще нескольких минут сна.

Однако иногда Сакуре приходилось делать и другие вещи. Сегодня она собиралась на рынок, выросший сразу за лагерем. Ей нужно было отойти от рациона, который выдавал каждому ниндзя, и на рынке были запасные варианты. Это также была совершенно другая атмосфера, чем в лагере: в лагере, хотя дела шли хорошо, люди постоянно работали, лечили боевые раны, спали посменно и пытались забыть, что происходило сразу за пределами лагеря . передние границы.

На рынке не было никаких попыток — вместо этого там были бани, тележки, полные вкусной

еды, и музыканты, и хотя все, возможно, пытались выманить деньги из солдат Конохи и Суны, которые часто посещали улицы, это все же было гораздо больше. явно беззаботный.

Сакура купила у продавца немного рамэна, нашла место, где можно сесть, и наблюдала, как все вокруг в полной мере наслаждались новой атмосферой.

Справа от нее мужчина пел непристойную песенку, и ей хотелось бы, чтобы она не понимала текста; перед ней под ее дудку танцевали несколько пар (или незнакомцев), часто имитируя то, что описывалось в мелодии. Слева от нее стояло одно из единственных полноценных строений — баня с двумя телохранителями по обе стороны от входа. Сакура предпочитала тот, что находился несколько южнее лагеря Конохи, рядом с задним входом в лагерь Суны — тот был предназначен только для женщин и предлагал хороший выбор чая.

Она только начала глотать еду, когда напряглась, реагируя на порыв намерения, жестокого и коварного, пришедшего откуда-то издалека.

Она бросила еду.

Что-нибудь, что казалось таким...

Она бросилась к чакре.

Все, что простиралось так далеко...

Он исходил из переулка.

Не могло быть хорошо.

Это исходило от мужчины.

Ниндзя Конохи.

Ниндзя Конохи держит кунай над мирным жителем.

Его рот принял ухмылку, нависая над мужчиной со всей энергией человека, который наслаждается тем, что он делает.

"Что ты делаешь?"

«Этот... человек пытался меня ограбить», — сказал ниндзя и повернулся к гражданскому, не уронив нож. «Не так ли?»

Гражданский быстро покачал головой, мотая ею вперед и назад, не выпуская кунай из поля зрения.

«Нет-нет-нет-я этого не делал. Я не... я просто, я просто... я не делал».

«О, ты этого не сделал, не так ли?» Ниндзя (Сакура не узнала его, но его тело ясно говорило о том, что он находится на передовой) ухмыльнулся своей акулой ухмылкой.

"Что ты сделал потом?" Сказала Сакура, глядя поверх своего более крупного товарища, чтобы посмотреть прямо на гражданского.

«Я... я просто... я похлопал его по плечу. У меня нет денег, нет денег, и я подумал... может

быть... может быть, у него есть немного, что он мог бы мне дать. Но я не пытался его ограбить! даже ножа нет!»

Сакура огляделась — оружия нет.

Другой ниндзя неловко поерзал, но нож все равно не уронил. — Не слушай его. Он не стукнул меня, он тыкал мне в спину своими проклятыми пальцами — может, у него и не было ножа, но он притворялся!

И затем позади них троих послышался четвертый голос.

.

Шимура Рёта потирал ребра, идя по улице. Ушибы ребер, синяки на ребрах, и он выбыл из строя до конца недели!

Он едва успел стать чунином к войне, едва мог успевать за своей командой первые несколько месяцев, а теперь — теперь, когда он наконец приспособился, наконец начал набирать вес —

Ушибы ребер.

Он хмыкнул, обдумывая, стоит ли развернуться и вернуться в баню (не было особого смысла ждать в казармах, чтобы ничего не делать), когда услышал голоса.

Он обернулся, огибал тележку, которая наполовину блокировала переулок, и обнаружил, что на него смотрят три лица.

«Шимура!» Сказала Яманака Сакура, такой же ниндзя, которого он не видел со времен Академии.

«Рёта!» Сказал Шимура Тору.

Гражданский, стоявший на коленях в грязи и в ужасе глядящий на кунай, который держал троюродный брат Рёты, только хныкал.

"Что происходит?"

Все трое попытались поговорить одновременно. Однажды он порезал себе руку. «Хватит. Я уловил суть».

К сожалению, он это сделал.

И это оставило ему выбор, и он не обязательно хотел его сделать.

Попытка ограбления солдата не считалась преступлением с легким наказанием.

Обвинить Тору – Тору, племянника главы Шимуры – во лжи... ну, ему определенно больше не придется беспокоиться о том, как проложить себе путь к известности.

Проблема заключалась в том, что он не думал, что Тору говорит правду.

Яманака Сакура никогда не была любимым человеком Рёты. Она была осуждающей – более осуждающей, подумал он, чем она осознавала – и хорошей в том смысле, в каком он не мог подражать. На самом деле, не морально, а просто чтобы она всегда все помнила на уроке,

всегда могла решить математические задачи, а потом сидеть сложа руки, как будто не было так уж заметно, что она справилась первой.

Однако больше всего он ненавидел борьбу с ней.

Дело не в том, что она выиграет. Это было бы одно.

Дело в том, что она всегда знала, что ты собираешься сделать, еще до того, как ты это сделал. Не было никаких финтов, никаких хитроумных трюков, никакого быстрого мышления. Вместо этого вы были почти вынуждены использовать грубую силу и защищаться, насколько это возможно, от ее финтов, уловок и интеллекта.

Победа над Сакурой никогда не была приятной. Она была маленькой — на целых два года моложе его — и вообще не интересовалась физическими боями. Победа над Сакурой оставила ощущение, будто каждая секунда должна была быть легче. Рёта предпочитал сражаться с другими студентами на передовой. Он не возражал против сражений со студентами второго курса или студентами, работающими с документами.

Он ненавидел сражаться с гениями.

Итак, Сакура... Сакура, и ее отношение «лучше, чем ты», и ее сверхразумный ум, и то, что она проигрывает с достоинством... она никогда не станет его любимицей.

Но она была не из тех, кто лжет.

И она была права: не было никакого видимого оружия, никаких признаков того, что стоявший на коленях мужчина был кем-то иным, как неудачливым нищим.

Но Тору.

Тору был на добрых десять лет старше его. Он тоже был на передовой, джоунин Токубецу, который вел в бой команду из трех чуунинов. Он был троюродным братом Рёты.

И племянник Главы.

Если он... если он будет отрицать историю Тору... что ж, на этом все и закончится.

А для чего?

Для безымянного никого?

Чтобы Яманака Сакура — которой он никогда не нравился, никогда не полюбит его, точно так же, как он никогда не любил ее — уважала его?

Или он мог бы согласиться с Тору и обречь мирного жителя на жизнь, которой не стоит жить.

Это, безусловно, катапультировало бы его карьеру.

«Этого не произошло», — сказал Рёта. Он указал на тележку. «Мы все собираемся уйти. Мы все будем жить так, как будто ничего из этого не произошло, потому что ничего этого не произошло».

Яманака моргнул, глядя на него.

Тору моргнул, глядя на него.

Гражданский не упустил свой шанс — развернулся и убежал.

И тогда Яманака кивнул. Она проскользнула мимо него, взглянув на него, и исчезла. Тору хмыкнул. Он перехватил кунай и, наконец, позволил руке упасть в сторону.

"Отлично."

.

Сакура не видела Шимуру Рёту в ближайшие дни. Она знала, что он здесь, видела его несколько раз мимоходом, но теперь он, казалось, брезгливо избегал ее.

Она не обязательно возражала против этого.

Тем не менее жизнь продолжалась.

Во время войны большая часть личной почты была отключена — из-за слишком большого количества людей и слишком большого риска, чтобы позволить этому продолжаться. Однако были и некоторые исключения; каждому клану было разрешено отправлять одно письмо в каждый батальон раз в две недели, при этом один назначенный лидер в каждом батальоне затем отвечал за распространение его содержания среди всех остальных членов клана.

Во втором батальоне второй бригады это был Яманака Доури. Доури был единственным не Учиха в военной полиции батальона. Вообще-то, изначально он был следопытом, но несколько лет назад сменил сферу деятельности, чтобы проводить больше времени со своими детьми. Им было шесть и семь лет. Он уже пропустил оба их последних дня рождения.

Всякий раз, когда приходило последнее письмо, Дури звал их всех в свою палатку — большую, которую он делил с тремя другими депутатами.

Сакура всегда приходила первой.

На самом деле для нее это было самое неудобное время, потому что график Дури подразумевал, что они всегда собирались вместе, когда ей еще четыре часа оставалось спать.

Дури хмыкнул на нее, когда она вошла, протягивая ей чашку чая и письмо. Другой Яманака — корпус генинов, два корпуса чуунинов, два следопыта и медик — выслушают только его краткое изложение, но Сакура была достаточно опытна в искусстве анализа, поэтому ей было разрешено перепроверить письмо на предмет каких-либо скрытых сообщений. Ее глаза скользнули по странице, отмечая обилие культурных отсылок (наиболее распространенная защита от шпионов) и двусмысленности. Она еще раз перечитала второй абзац — что-то в последнем предложении было прочитано неправильно — затем подняла глаза, когда все трое санитаров нырнули в палатку.

Среди вошедших была Яманака Аиша, приличная куноичи, которая попала в корпус только из-за своего искреннего отвращения к «скучным вещам». Теперь она в основном была курьером, но все еще была Яманакой, и ее глаза резко сузились, когда они остановились на Сакуре — Аиша, возможно, была намного ниже по рангу, но она значительно опережала Сакуру в своей способности читать людей, и поэтому у нее не было никаких способностей. проблемы с пониманием того, что Сакура все еще держит в руках письмо — обычно она откладывала его к тому времени, когда входили остальные — что могло означать.

Сакура перечитала абзац еще раз, на всякий случай, а затем полностью подняла глаза, когда вошел последний из Яманака.

Последнее тело, прошедшее через дверь, — это Яманака Кими. Самое старое из всех, тело меньше вошло, а больше шлепнулось, сделав как можно меньше шагов, на койку Дури, лежа, как мешок с картошкой, не сказав ни слова. Яманака Кими была медиком, и эта должность была даже более утомительной, чем работа сенсором, и поэтому вести себя в соответствии с ее возрастом было едва ли не последней заботой Кими.

Остальные Яманака все еще ждали, пока она не крикнула, чтобы доказать свое пробуждение, а затем все взгляды обратились на Дури.

Он начинает с семейных новостей. Две смерти, одна свадьба и четыре рождения.

Потом новости Конохи.

Ничего особенного, но, судя по всему, последние выпускники Академии были «хорошего качества».

Наконец, война.

Все еще шло хорошо.

Единственным важным нововведением для клана Яманака было то, что было разработано новое использование кеккей генкая. Это не было подробно рассмотрено, но это само по себе было подсказкой — по крайней мере, новый инструмент вряд ли можно было бы использовать на передовой (если бы это было так, Яманака пришлось бы приложить усилия, отправив наставника в каждый батальон .)

После того, как информация была передана должным образом, Яманака начал вытекать из палатки.

Кими поторопилась уйти — ее собственная кровать была гораздо лучшего качества, чем койка, как это обычно бывает у медиков, — но рука Дури на ее плече заставила ее остановиться. Ее глаза метнулись к Сакуре, которая тоже осталась сидеть.

Затем Дури посмотрел на дверь.

Яманака Аиша топталась там, отчаянно пытаясь сделать вид, будто она просто отстаёт, уходя, а не намеренно пытается подслушать.

— Есть проблемы, Аиша?

«Нет, нет. Эм, увидимся позже». Она позволила пологу палатки упасть позади нее.

Взгляд Дури метнулся к Сакуре.

Однако вместо того, чтобы по-настоящему использовать свои чувства, Сакура пошла по чуть менее утомительному пути: «Знаешь, что было бы действительно глупо?» Сказала она, повысив голос чуть выше того, что можно было бы с комфортом считать уровнем разговорной речи. «Пытаюсь шпионить за датчиком».

Пауза, тишина в палатке, а затем звук тихих шагов, удаляющихся от входа.

Дури вздохнул, потер переносицу, затем снова посмотрел на Сакуру. «Проверьте еще раз, пожалуйста».

Она сделала.

"Были хороши."

"Хорошо." Затем он повернулся к Кими. «Они не дали нам многого, но... появилась новая родословная».

«Полагаю, нам не повезло, что он на нашей стороне?»

— Нет, Сакура, что ты думаешь?

Сакура нахмурилась. «Судя по тому, как это сформулировано... определенно родословная, которая влияет на разум, и у нас определенно нет способа справиться с этим в настоящее время. Помимо этого... «недостаток», я полагаю? Типа — ты теряешь рассудок, или ваши знания, или что-то в этом роде. Это очень расплывчато».

«Почему это не произошло официально?» Кими теперь сидела, уделяя им обоим все свое внимание.

«Коноха пытается это скрыть, — его взгляд скользнул на Сакуру, дважды проверяя, — или, по крайней мере, преуменьшить это. Я думаю, официально, что мы не должны знать даже то, что делаем».

«Новая родословная, особенно если у нас нет эффективных мер противодействия, может сильно повлиять на моральный дух». Сакура сказала. «Пока что у нас все хорошо, но новая родословная... в зависимости от того, насколько она плоха, Коноха либо не хочет, чтобы риск был преувеличен, либо они хотят совершить как можно больше вторжений, прежде чем их отбросит назад масштаб проблемы».

"Лучшая догадка?" - сказал Дури.

Сакура хмыкнула. Она еще раз прочитала письмо и подумала о том, насколько уверенно действовали ниндзя Ива в Столице Огня, о том, как они смогли полностью искоренить Узу, несмотря на его силу и выгодное географическое положение.

"Последний."

<http://tl.rulate.ru/book/96215/3315671>